

ЮЛИУС ЭВОЛА

МЕТАФИЗИКА ПОЛА

ТОМ I

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2026

УДК 141.319.8
ББК 87.52
315

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена каким-либо
способом без согласования с издателями.*

Перевод с итальянского и примечания — Олег Молотов.

Эвола, Ю.

315 Метафизика пола. В 2-х тт. Т. I / Под ред. Дж. де Турриса. Пер. с ит. — М.: Тотенбург, 2026. — 270 с.

Книга известного итальянского мыслителя-традиционалиста Юлиуса Эвола (1898–1974) представляет собой фундаментальное исследование сакральных аспектов пола и сексуальности. В противовес современному редукционистскому подходу, сводящему сексуальность к биологии или психологии, Эвола обращается к метафизическому измерению эроса, опираясь на огромный пласт древних источников, религий, мистерий и культурных традиций. Отправной точкой для автора служит миф об андрогине: разделение на два пола трактуется как следствие «падения», а половое влечение — как стремление к восстановлению утраченного единства. Эвола рассматривает пол как великую тайну, где мужское и женское начала являются архетипическими проводниками божественной воли: мужчина олицетворяет активный, формирующий принцип, а женщина — пассивный, материнский принцип; секс — это реальная сила, которая при правильном подходе может стать инструментом преобразования личности и выхода за пределы собственного «я». Автор рассматривает тантрические и даосские практики, ритуалы иерогамии и священной проституции в древних культах, а также такие феномены, как рыцарская любовь, инкубы и суккубы, и даже обращение к «Пути левой руки» (маркиз де Сад, Алистер Кроули и др.). Эвола приходит к выводу, что истинная цель эротического опыта — не физическое удовольствие, а достижение состояния трансценденции. В приложении к книге приведена подборка статей Эвола на темы пола.

**УДК 141.319.8
ББК 87.52**

© Олег Молотов,
перевод с итальянского,
примечания, 2026

© Издательство «Тотенбург», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА	5
РАЗМЫШЛЕНИЯ О «МЕТАФИЗИКЕ ПОЛА» ЮЛИУСА ЭВОЛЫ.....	13
ВВЕДЕНИЕ	36
1. Границы исследования.....	36
2. Секс в современном мире	46
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЭРОС И ПОЛОВАЯ ЛЮБОВЬ	51
3. Эволюционистский предрассудок	51
4. Любовь и секс	53
5. Эрос и инстинкт размножения	57
6. Миф о «гении вида»	64
7. Эрос и стремление к удовольствию.....	69
8. О «похоти»	72
9. Магнетическая теория любви.....	78
10. Степени половой дифференциации	88
11. Физический пол и внутренний пол	96
12. Обусловленность и формы эротического притяжения	103
ГЛАВА ВТОРАЯ. МЕТАФИЗИКА ПОЛА	114
13. Миф об андрогине	114
14. Эрос и разновидности опьянения	122
15. Биологизация и падение эроса	127
16. Афродита Урания. Эрос и красота.....	136
17. Жажда. Миф о Поросе и Пеннии	142
ПРИЛОЖЕНИЕ КО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	151
18. О гомосексуальности	151

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ФЕНОМЕНЫ ТРАНСЦЕНДЕНЦИИ

В ПРОФАННОЙ ЛЮБВИ158

19. Пол и человеческие ценности158

20. «Вечная любовь». Ревность.

Половая гордость.....165

21. Феномены трансценденции

в период полового созревания170

22. Любовь, сердце, сон, смерть178

23. Комплекс любовь-боль-смерть183

24. Наслаждение и страдание.

Садомазохистский комплекс.190

25. Эротический и мистический экстаз202

26. Об опыте совокупления205

27. Разновидности стыда. Метафизика стыда217

28. Смысл оргии227

ПРИЛОЖЕНИЕ К ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ233

29. Маркиз де Сад и «Путь левой руки»233

30. Распутин и секта хлыстов.....246

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

В своей автобиографии «Путь киновари» (1963)¹ Юлиус Эвола писал: «Еще одним моим переводом с немецкого был “Пол и характер” Отто Вейнингера. У этого сочинения уже существовала итальянская версия, но очень плохая и неполная. По желанию издателя Бокка я сделал новый перевод. Вейнингер был одним из авторов, которые особенно интересовали меня в юности. Поначалу я думал написать к новому переводу обширное введение, чтобы уточнить смысл теорий Вейнингера, касающихся пола и женщины. Затем мне стало ясно, что такое рассмотрение не может быть заключено в тесные рамки простого введения, и, кроме того, необходимо обратиться ко многим темам, выходящим далеко за горизонты данной книги. Так в моем уме постепенно начала оформляться мысль о том, чтобы написать отдельную работу на эту тему».

В какой же период «начала оформляться мысль» о том, чтобы написать эту книгу, первое издание которой вышло в 1958 году? Перевод «Пола и характера» появился в 1956 году. Здесь нам на помощь приходит Мирча Элиаде, который, описывая встречу с Эволой в Риме в своем дневнике (*Fragments d'un journal II 1970–1978*, Gallimard, 1981), упоминает среди прочего о том, что узнал о смерти одного из старых итальянских друзей. «Мы говорили более часа. Он сказал мне, что, поскольку все время теперь в его распоряжении, он пользуется этим, чтобы переводить французских или немецких авторов. Он также рассказал мне о “Метафизике пола” — книге, которую он замышлял». Однако Элиаде, говоря о дате этой встречи, в одном случае указывает 1949 год, в другом — 1951. Но эта встреча состоялась, как неопровержимо сле-

¹ Издание на русском языке: Эвола Ю. Путь киновари. Тамбов: Ex Nord Lux, 2018. — *Прим. пер.*

дует из еще не опубликованных писем Юлиуса Эвола Мирче Элиаде, между 11 и 24 мая 1952 года. Следовательно, к этой эпохе и нужно относить перевод Вейнингера, заказанный ему Бокка (который уже опубликовал «Йогу могущества»² в 1949 году и «Восстание против современного мира»³ в 1951 году), и в это же время «начала оформляться мысль» написать настоящую книгу на тему пола. В действительности, как продемонстрировано в приложении к настоящему изданию и уточнено в предисловии, уже по возвращении в Италию Эвола затрагивал в некоторых газетах, с которыми начал сотрудничать, ту же тему в различных аспектах, которые расширялись от простых фактов до теоретического, «доктринального» уровня: в «Риволта идеале» в 1949 году, затем в 1952-м и 1954-м; в «Рома» между 1950-м и 1957-м; в «Домани» в 1956; в «Пополо итальяно» в 1957-м и так далее.

Что могло быть причиной такого особого интереса к определенным проявлениям человека и общества? Вновь обратимся к «Пути киновари»: «Здесь сыграл свою роль некоторый мой личный опыт этого периода: он направил мой взгляд на особые измерения данной темы и открыл мне более широкие горизонты». Какой смысл нужно придавать этой загадочной фразе? Каков был этот «личный опыт этого периода»? К какому времени следует относить «этот период» — равно как и «материал, лично собранный автором», который в «Метафизике пола» «дает о себе знать лишь косвенно»? Быть может, первое указание относится к послевоенному периоду, а второе — к довоенному? Разделив материальный и духовный опыт, дать точный и недвусмысленный ответ невозможно. Лично я, однако, склонен рассматривать «Метафизику пола»

² Издание на русском языке: Эвола Ю. Йога могущества. М.: Тотенбург, 2017. — *Прим. пер.*

³ Издание на русском языке — Эвола Ю. Восстание против современного мира. М.: Тотенбург, 2016. — *Прим. пер.*

в контексте тех интересов «экзистенциальной стратегии», на которые Юлиус Эвола обратил свое внимание, начиная с 1949 года, намереваясь внести свой вклад в выживание «человека Традиции» в том «мире руин», который он сам обнаружил, вернувшись в Италию из Австрии. Из этих интересов, помимо газетных сотрудничеств, сложилась брошюра «Ориентации» (1950) и очерки «Люди и руины» (1953) и «Оседлать тигра» (1961), которые рассматривают этот предмет с разных точек зрения — от «политической доктрины» до отношения к нигилизму современности.

Если принять во внимание эти даты, как было продемонстрировано в предисловии к последнему изданию «Оседлать тигра» (1995 год), можно прийти к заключению, что в 1952 году Эвола разрабатывал своего рода «экзистенциальную» стратегию: он уже написал «Люди и руины» (некоторые мысли, предвосхищающие содержание этой работы, появились в тогдашних публикациях); он уже написал — по крайней мере, частично, — «Оседлать тигра» (нет сомнений, что некоторые главы уже были написаны); он переводил «Пол и характер» и замышлял «Метафизику пола», о чем свидетельствует Мирча Элиаде. Говоря простыми словами, он хотел предоставить интерпретативные и оперативные внутренние инструменты для выживания в «современном мире» тем, кто чувствовал себя в нем чуждым, но не до такой степени, чтобы впадать в безразличие или, того хуже, в отчаяние.

Таким образом, его работа касалась в большей степени области *преходящего*, продолжая при этом черпать вдохновение в неизменных ценностях Традиции. Ее направление отличалось от довоенного; однако, несмотря на это, она сохраняла свои старые связи, вписываясь в последовательную общую «мировоззренческую концепцию», как можно заключить из следующих слов из «Пути киновари», все еще относящихся к данной работе: «С другой стороны, в книге были затронуты и раз-

виты также некоторые идеи о поле, уже затронутые в моих предыдущих книгах, особенно в том, что касается учения об андрогине и сексуальных техник инициатического характера».

Здесь Эвола делает отсылку к «Герметической традиции» (1931), «Учению о пробуждении» (1943) и «Йоге могущества» (1949). В последней из этих работ утверждается (а в «Метафизике пола» подтверждается), что в эпоху упадка, в которой мы живем, в Кали-югу индуистских учений, когда практически все инициатические «пути» закрыты, эрос (понимаемый особым образом) остается, возможно, единственным, что может позволить нам прорваться к сверхчувственному. Но этому препятствует тот климат, который в некоторых выступлениях (статьях, интервью) на закате своей жизни (1970–1974) сам Эвола называл «сексуальной пандемией» и отсюда «банализацией секса», — климат, широко распространенный и всеобщий, ведущий к тотальному безразличию и бесчувственности, к падению «напряжения» и «магнетизма» (что уже было ощутимо в 1950-е годы, когда писался этот очерк). Таким образом, в такой момент, как нынешний, когда перед лицом крушения любых политических, идеологических, моральных и религиозных «определенностей», типичного для всякого заката тысячелетия и кризиса эпохи поздней Империи, секс был указан в качестве последней и окончательной вещи, в которую еще можно верить, — это сочинение все еще выполняет свою функцию, и не только потому, что оно остается единственным, рассматривающим эту тему с точки зрения столь же широкой, сколь и оригинальной, но так же и потому, что предлагает ее интерпретацию и объяснение, выводящие ее за пределы той коммерциализации, объектом которой она является на протяжении десятилетий, что лишь недавно — и лишь отчасти — наконец начали осознавать.

Секс, возможно, является «последним рубежом» девяностых годов этого века и этого тысячелетия, но, несомненно, он переживается ныне в искаженной и, прежде всего, неестественной, более того — противоестественной форме: не только как традиционное убежище, позволяющее забыть об отсутствии всякой иной «высшей» точки опоры, но посреди тревог, страхов, травм, недоразумений; посреди примеров извращений всех родов с одной стороны, и, в абсолютной противоположности, среди «апологий целомудрия», проповедуемых с амвонов — с другой. Отсюда мы видим инволюцию материнства в «афродитическую женщину», инволюцию женственности в «деметрическую женщину» и инволюцию самого эротического акта, несмотря на громогласную «сексуальную революцию», которая в семидесятые годы должна была осуществить «освобождение секса». Вместо этого сегодня СПИД, гомосексуализм, транссексуальность, «аренда маток», оплодотворение девственниц, не желающих иметь контактов с мужчиной, перекрестный инцест, изнасилования, законы против «сексуальных домогательств», ежедневные опросы об эротических вкусах населения от 12 до 70 лет, потребность порнографии заходить все дальше, чтобы не потерять свою аудиторию читателей и зрителей (педофилия, копрофилия, скотоложество и т. д., и т. п.) — все это практически убило эротизм. На страницах газет и журналов тема секса остается самой обсуждаемой, и даже «тантризм» популяризируется и рекламируется как «групповая терапия» (sic!): стоит ли удивляться, что многие «специалисты» утверждают, будто больше не существует «настоящего мужчины», как не существует и «настоящей женщины», которых тщетно ищут? Доминируют страх, искусственность, неестественность. Иначе нельзя объяснить большое распространение, которое получили за последние два-три года *hot lines* — эротические телефонные линии, где можно *говорить*

о сексе; или даже *киберсекс*, то есть виртуальный секс, взаимный оргазм, достигаемый с помощью шлемов и перчаток, подключенных к компьютеру. Следовательно, предпочитают секс на расстоянии, секс без физического контакта — что является, быть может, величайшим извращением, до которого на данный момент дошел современный мир.

Такое сочинение, как «Метафизика пола», рассматривает свой предмет с высшей точки зрения — но, безусловно, не виртуальной, поскольку занимается конкретнейшими аспектами, но в своей интерпретации возвышая их над простым дарвиновским биологизмом. И сегодня, особенно сегодня, оно обладает функцией, которую должно выполнять: как минимум функцией прояснения в этом хаосе. Хаосе, в который вносят свой вклад многие так называемые «эротологи» и «эросоциологи», чьи мнимые бестселлеры суть не что иное, как банальности в чистом виде: дистиллированная очевидность, концентрированная глупость.

За более чем тридцать лет не было недостатка в случаях добросовестного непонимания и недобросовестного извращения: это касается как этой работы, так и ее автора. В конце пятидесятих годов эта тема рассматривалась либо ограниченно-моралистически, либо пикантно-похотливо; точка зрения автора была чересчур новой, чтобы быть понятой и принятой. Это была эпоха, когда религиозные депутаты в ресторанах давали пощечины дамам в декольте, а верующие юноши обливали смолой и осыпали перьями девушек, которые ходили на пляжи в купальниках. Позже, в эпоху второго издания этой книги в семидесятые годы, в самый разгар «протестов» и «феминизма», безусловно, было еще труднее понять высокую позицию, в ней изложенную. Люди были поглощены приземленными баталиями; это была эпоха «коммун»

и «групповой любви», начало эпохи вседозволенности и рождения первых итальянских эротических журналов.

Поэтому Эволе сперва приклеили ярлык «распутника» и «теоретика оргии» за то, что он осмелился подойти к теме секса по-новому и по-нонконформистски (Мишель Маффесоли будет переведен только тридцать лет спустя). Но можно ли так называть того, кто утверждает, что признает «в аскете высшую форму мужественности»? Позднее его самым очевидным и банальным образом стали называть «мужским шовинистом» и обвинили в том, что он «боится женщины», за то, что он осмелился вновь утверждать во имя фундаментальных метафизических принципов онтологическую разницу между мужчиной и женщиной и без обиняков критиковал тенденцию последней психологически и фактически подражать другому полу, утрачивая свои типичные черты. Но можно ли так называть того, кто утверждает: «Нет сомнения, что совершенная женщина превосходит несовершенного мужчину»? Или того, кто явно осуждает человека, который «наслаждается только сам, игнорируя существование другого»? Разве сегодня, как уже упоминалось ранее, не жалуются на отсутствие «настоящего мужчины» и «настоящей женщины»? Некоторые удивлялись тому, что «теоретик Традиции», «политический философ» мог столь обширно заниматься такой «второстепенной» темой, как пол. «То, что я говорил в разных случаях в качестве критики нравов применительно к полам, есть лишь частный случай позиции, которую я отстаиваю во всех областях», — отвечал уже в 1954 году Эвола в ходе небольшой «внутренней» полемики в «Меридьяно д'Италия».

Это четвертое издание выходит всего через два года после третьего (январь 1994 года), что доказывает, насколько необходимо вновь представить традиционное «мировоззрение», связанное с эросом: ибо очевидно, что оно распространилось даже в кругах, не имеющей

тесной связи с автором. Третье издание было исправлено от опечаток, ошибок, пропущенных строк и примечаний, при этом было проведено также сравнение с первым изданием (Atanòr, 1958). К сожалению, несмотря на все внимание и добрую волю, и оно не оказалось свободным от изъянов разного рода: мы надеемся, что новая общая и тотальная выверка устранила их полностью. Кроме того, это был первый том новой серии, посвященной «Сочинениям Юлиуса Эволы», — серии, которая в последующем претерпела некоторые корректировки и дополнения: например, в обложках, титульных листах, «Примечании редактора», заключительной биографии. Все это было унифицировано и обновлено. В частности, для соответствия тому, что было сделано в отношении «Йоги могущества» и «Учения о пробуждении», в санскритских словах буква *ç* была заменена на *sh*.

Джанфранко де Туррис
Рим, январь 1996 г.

Редактор выражает особую благодарность Марио Козну Белифанти, Энрико Монтанари и Паоло Ренцулли за оказанную ему неоценимую библиографическую помощь; а также г-же Ванде Джентили за сотрудничество при выверке этого четвертого издания.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О «МЕТАФИЗИКЕ ПОЛА» ЮЛИУСА ЭВОЛЫ

1. Книги Эволы были одними из самых захватывающих произведений, которые мне довелось прочитать в молодости. И, безусловно, если бы мне пришлось отобрать знаменитые десять книг, которые следует сохранить для наших далеких потомков, я включил бы в этот список по крайней мере пару или, во всяком случае, одну из книг Эволы — это уж точно. Полагаю, что умный читатель — а читающий Эволу должен быть умным и должен становиться еще умнее, — не ожидает от меня простого пересказа идей Эволы. Эвола прекрасно объясняет себя сам, и его язык, богатый магической, оккультной, магнетической, бессознательной, эзотерической, традиционной силой, безусловно, не поддается пересказу или замене. Более того, попытка пересказать или «прояснить» его показалась бы профанацией, святотатством. Это мое предисловие — как задумывал и издатель, любезно предложивший мне его написать, и мой драгоценнейший друг Джанфранко де Туррис, чье несравненное знание Юлиуса Эволы общеизвестно, — имеет своей целью сопоставить идеи Эволы с теми умозаключениями, к которым можно легко прийти в результате исследования современного мира — особенно такому опытному наблюдателю, как нижеподписавшийся.

Даже в недавней книге двух немецких ученых приводятся доказательства одного из краеугольных камней, на которых стоят положения Эволы: различие между полами запрограммировано всей природой и во всей природе по причинам, почти полностью чуждым размножению. У природы есть тысячи способов размножения: от кле-

точного деления до партеногенеза, и только ради продолжения вида не было совершенно никакой необходимости производить на свет сложный механизм полов. Эти ученые, как и все, кто непредвзято смотрит на реальность — биологи, зоологи, генетики, — единодушно утверждают, что главная цель полового размножения состоит в усилении защиты от внешних атак. Сегодня мы знаем, особенно благодаря удивительной и трагической истории вируса СПИДа, знаменитого ВИЧ, невероятную историю жизни вирусов. Как известно, вирусы не являются самодостаточными существами, подобно микробам или бактериям: у них нет ядра, и они умеют размножаться только путем деления. Они должны обитать в живом организме, который мог бы усваивать для них питательные вещества — точно так же, как грибы или вообще содержащие ядро организмы. Итак, вирусы непрерывно видоизменяются, пытаются преодолеть барьер из антител или других вещей, при помощи которых организм противостоит их проникновению в клетки. Половое размножение, умножая типы, то есть детерминированные хромосомами генотипы, в теоретически бесконечной степени, создает для вирусов растущие трудности, поскольку вирусы должны заново «изучать», так сказать, «новый» организм, который они пытаются атаковать. То, что справедливо для вирусов, в бесконечно большей степени справедливо и для микробов и бактерий, борьба с которыми, так сказать, более честна в том смысле, что они не столь коварны и опасны, как вирусы, ибо с ними могут сражаться фагоциты, лейкоциты, антитела того организма, который они пытаются завоевать и уничтожить.

При этом удивительно, как Эвола собирает исторические, традиционные и научно-биологические свидетельства, чтобы доказать этот тезис, который для глаза непредубежденного человека, то есть не обусловленного

тем *mer de glace*⁴, которое нас подавляет, сразу же интуитивно ясен и очевиден: а именно, что половая связь между двумя существами (речь идет, разумеется, о человеческих существах) разного пола является тем более мощным, магнетическим, неотразимым, захватывающим, несущим то, что Юнг называет *unio*, чем больше оба существа онтологически являются самими собой и, следовательно, онтологически детерминированы, различны, дифференцированы. Абсолютная женщина — это тотально женское начало, как демонстрируют женщины, более всего приблизившиеся к этой абсолютной женщине, а именно женщины цивилизации долины Инда: стройное телосложение, крепкие ноги, крупные, округлые ягодицы, широчайшие бедра, тонкие лодыжки, груди столь упругие, как говорится в одном индийском стихотворении, что между ними не может пройти даже стебель цветка лотоса, большие глаза, пухлые и чувственные губы, маленький нос, длинные волосы. Но это лишь внешний, эротико-эстетический образ женщины, подобно тому, как образ мужчины — это образ воина, но воина типа «умирающий галл» или Аполлона, смотрящего в вечность. Это не «мистер мускул», а гармоничный воин, с узким, но не микроскопическим тазом, с широкими, но не гигантскими плечами, с серьезным, но не суровым лицом, с вдохновенным, но не кататоническим взглядом, с твердой, но не застывшей и не окаменевшей рукой. Это внешние и эстетические образы, которые уже сами по себе обозначают необходимые, неизбежные глубинные различия между двумя полами. Без такого различия, как мы увидим далее, у нас останется только какая-то ерунда, крах всего предприятия; нечто вроде стреляющей хлопушки, более или менее атлетически убедительная игра гениталий, в той или иной мере способных к возбуждению, — лишь фи-

⁴ Море льда (фр.). — Прим. пер.

зиологизация секса, одно из бедствий, о которых возмущает Кали-юга.

2. Эвола укореняет различие между мужчиной и женщиной в великой классической и доклассической традиции: мужчина как единичный элемент, как дух, как небо, женщина как двойственный элемент, как земля, как материя. Эвола пунктуально цитирует бесчисленные примеры из традиции; я не буду их здесь пересказывать, а хочу лишь указать на классическую традицию, согласно которой, если Зевс — отец богов, а Кронос, пожиравший своих детей, был все же мужского пола, то изначальный Хаос, который мы обозначаем мужским родом, был женского пола, был женщиной. Уже здесь видна эта таинственная и невероятная связь между мужчиной и женщиной, когда мужчина — это мужчина, а женщина — это женщина: форма, лепящая материю, но материю не инертную, мертвую, глинистую; это живая, одушевленная, животная, пылкая материя. Почти смешно, или, вернее, плакать хочется при мысли о том, во что превратились отношения между полами — как Эвола уже упоминал в 1958 году — сегодня: в нечто убогое и бедное, в смесь из обманов, измен, провалов, смехотворных упреждений, глотания пилюль, зелий и инъекций для достижения долгих эрекций и оргазмов, которые не стоят ровно ничего, ибо лишены духа, архетипичности, истины.

3. Нельзя отрицать, что Эволу полностью отверг академический и интеллектуальный мир, где царит левизна — то острая, то хроническая, но неизбывная. Его мысль была истолкована превратно и оклеветана, связана с нацизмом и фашизмом (связи с которым, несомненно, имелись), расизмом (с которым, в смысле биологического расизма, никакой связи было) и реакционными позициями, тогда как позиция Эволы — это единственная не только человеческая, но и гуманистическая и исторически достоверная позиция, которую можно зафиксиро-

вать в плоскости современной культуры. Насколько мне известно, только я и дель Ноче⁵ давали студентам дипломные работы на темы, связанные с Эволой. Эта борьба против мысли Эволы не лишена смысла: Эвола — это великий разоблачитель, великий демистификатор, тогда как сегодня стремятся именно к мистификации, я бы сказал — к аннигиляции мысли и духа. Крушение коммунизма, подробно предсказанное не только мною (а также, например Бенедетто Кроче), почти ничего здесь не изменило: я пишу эти строки летом 1992 года, но полагаю, что могу сделать легкое пророчество: дух коммунизма, его материализм, его глупость, его склонность упрощать до предела, его неспособность соединить (как сегодня говорят) дух и материю, и, более того, способность уничтожить дух и сохранить материю, которая, хотя и считается диалектической и исторической, остается все же материей вульгарного материализма, никуда не уйдут. Они останутся здесь, потому что мир капитализма по духу, который его вдохновляет, по глубинной, я бы сказал, бессознательной или тайной идеологии, которая его пронизывает, не отличается от мира коммунизма. Там была командная система производства, которая оборачивалась привилегиями, угнетением и диктатурой; здесь — господство рынка в самом банальном, вульгарном, тупом, ограниченном, регрессивном и упрощенном смысле, какой только можно вообразить.

В эти дни мы наблюдаем так называемый «скандал» с взятками: скандал, который вызывает одновременно и смех, и слезы, потому что на самом деле это универсальная система. Некоторые просвещенные политики заявляли, что то, что всплыло наружу — это лишь вершина айсберга. Но меркантильная ментальность существует ныне за пределами рынка — законного и незаконного

⁵ Аугусто дель Ноче (1910–1989) — итальянский философ. — *Прим. пер.*

(различать их становится все труднее). Рынком становится все, рынком становятся чувства, все сводится к *do ut des*⁶, к постоянному моральному шантажу, лежащему в основе любых человеческих отношений. С другой стороны, хаос, в котором мы живем, уже превосходит приписываемый Кали-юге: это доказывается, например, употреблением, которое никогда еще не было столь смехотворным и неуместным, двух слов, ныне очень модных и ходовых: «взякодатель» и «взякополучатель». Будто бы предприниматель, желающий получить лицензию, подряд, разрешение на строительство, подкупает политика, бюрократа, чиновника. Он был бы рад сэкономить свои деньги и иметь возможность строить с обычными разрешениями, полученными благодаря уместности работы и средств для ее выполнения. Он *вынужден, вынужден, вынужден* платить, давать взятку — его вынуждает политик, бюрократ, чиновник: следовательно, коррупционером является только политик; предприниматель не является коррупционером. Если бы мы не жили в эпоху беспорядка, осквернения, хаоса, абсурда, наказания всего того, что восстает как дух, и превознесения всего материального и грубого, то было бы легко разработать закон, согласно которому те, кто заявляет о попытке вымогательства или о состоявшемся вымогательстве, не совершают никакого преступления, а преступление может быть приписано и вменено только тем, кто является коррупционером — то есть политикам, администраторам, бюрократам. Но в данной ситуации, в данную эпоху, в данной стране этого никогда не произойдет — хотя делалось гораздо больше для раскаявшихся террористов, которые, отягощенные бесчисленными убийствами и пожизненными сроками, выходят на свободу через несколько лет, если не через несколько месяцев.

⁶ «Даю, чтобы ты дал» (лат.), аналог выражения «ты мне, я тебе». — *Прим. пер.*

4. Эвола полемизировал почти со всем, что превозносил современный мир: полемизировал с Просвещением, с идеалистическим и неоидеалистическим историзмом, с позитивизмом, с психоанализом, с современными так называемыми сексологами или сексофилами, с Вильгельмом Райхом и его последователями, с Уго Спирито — одним из моих великих учителей; однако эта полемика проистекала из сути, из изначального и мощного ядра. У Эволы не получилось, он не смог преуспеть: и я испытываю то же самое в своих скромных масштабах, в своих университетских курсах, когда пытаюсь внедрить идеи, которые являются моими — но также и идеями Эволы — относительно диагностики и гипотетической и невозможной терапии недугов современного мира. У него не получилось, потому что то, что он сам называл «экономическим помешательством», соединяется с удовольствием от деградации, от отупения, от распущенности, от движения к худшему — что и является самой ужасной трагедией современного мира. Негритянская пословица гласит: «Плохой парень заставляет сердца девушек биться сильнее». И такие реальные истории, как история Бонни и Клайда или совсем итальянская история Джонни-цыгана, доказывают, насколько это верно. Это наблюдение может показаться банальным: но я знаю столько славных парней — не в тупом и мещанском, а в реальном и глубоком смысле, — которых девушки презирают, и столько сыновей девушек легкого поведения (выражаясь деликатно и эвфемистически) окружают гусыни, раскрывающие и клювы, и гениталии, будучи в восторге от этой преступной, наркотической, упадочной, оскверненной, свинской, вонючей, мерзкой атмосферы...

5. И здесь, говоря о мире женщины, мы должны сделать важное, существенное, фундаментальное замечание. Эвола не смог увидеть самые аномальные, самые самоубийственные, самые жалкие и самые подлые и тупые

формы феминизма. Но мы их видели и можем оценить, во что превратилась женщина «благодаря» феминизму. Оставим в стороне избитую и банальнейшую, более чем смехотворную тему гражданских, политических, социальных и экономических прав, завоеванных женщиной. Эти права очевидны и священны: и они завоеваны в полной мере, что бы там ни говорили. Наша цивилизация превозносит женщину-мать, чьим классическим символом является Богоматерь — но эта же цивилизация не имеет мужества защищать работающих матерей: два месяца до и три месяца после — вот и все, что государство, окологосударственный сектор и законы могут дать женщине. И женщина вынуждена оставлять детей в яслях, между прочим, почти всегда неудовлетворительных или очень дорогих (говорю «неудовлетворительных», чтобы не выходить за рамки эвфемизма). К чему проповеди папы, этого сакрализованного римского императора, о единстве семьи, о святости брака, о его нерасторжимости, о верности в его рамках, когда женщина вынуждена работать на седьмом месяце беременности или с трехмесячным ребенком? Итак, помимо всего прочего, эта цивилизация, будучи *mer de glace*, вдобавок совершенно непоследовательна, ибо не защищает даже свой инструмент подавления, как мы увидим. Но у феминизма была тысяча причин: потому что фигуру шлюхи изобрел мужчина, потому что женский оргазм — созданный по мужскому образцу или нет, или изобретенный, или предполагаемый, или мистифицированный, или притворный, — захотел мужчина. Потому что женщину, ангела домашнего очага, Пенелопу, вечную ткачиху, женщину, заточенную в женской половине дома, женщину, неспособную мыслить (если только она не гетера), изобрел мужчина. Потому что женщину, над которой муж имеет право жизни и смерти, изобрел мужчина. Потому что женщину-крольчиху, неспособную к сильным чувствам и страстям, со-

суд невинности, нежности и девственности, который нужно хранить при помощи толпы проституток, чтобы, как говорят св. Фома и св. Августин, яд похоти не вонял, как переполненная канализация, заливающая весь дом и всю семью, а также все семьи всех земель, всех селений, всех мест, изобрел мужчина. И женщина имеет величайшее право восстать против этой мерзости мужчины, который изобрел такую ненастоящую женщину и навязал ей это изобретение.

У женщины фантазия в тысячи раз богаче, чем у мужчины, она в тысячи раз более садомазохистка, чем мужчина, хотя ее садизм — это не садизм Джека Потрошителя. Это тонкий, неосязаемый, однако глубокий садизм той, которая получает огромное удовольствие, унижая мужчину, превращая его в размазню, в шута, в паяца, в марионетку перед другими. Женщина бесконечно храбрее мужчины. Как написал один нейрофизиолог по фамилии Мараньон, если бы мужчина пережил тяготы беременности и родов, он бы умер. Женщина сильнее мужчины, если не считать мускулатуры, которая мало что значит. Кроме того, сегодня женщина живет в среднем на целых семь лет дольше мужчины, что указывает на то, какие тяготы несет мужчина, который уже ничего не понимает в происходящем.

И вот эта женщина, обладающая огромными биологическими и психическими богатствами, во имя самоутверждения захотела подражать не просто мужчине, но худшему в мужчине: его высокомерию, его тупым притязаниям (которые никогда не осуществляются) на самодостаточность (ах! ах!), его игре во власть и самой власти, из-за чего я много раз слышал от девушек, брошенных своими партнерами: «Теперь я соблазню его, применю все свое искусство — а когда женщина пускает в ход все свои уловки, она неотразима, — чтобы потом бросить его самой: я должна бросить его, а не он меня».

Конечно, это глупое и подлое соревнование с мужчиной не порождает никакой позитивной динамики эмоций. С другой стороны, женщина не берет на себя самые серьезные обязанности, самый тяжелый мужской труд: кроме совершенно исключительных случаев, нет женщин-подрывников, нет чистильщиц выгребных ям, нет женщин-пахарей, нет женщин-пилотов, нет женщин, работающих у доменных печей — хотя они могли бы прекрасно выполнять всю эту работу, будучи более исполнительными, более способными, более сильными, нежели мужчина.

В Милане недавно возникла ассоциация (я и сам давно хотел ее создать, но ломбардцы меня опередили) по защите прав мужчин и равноправия мужчины с женщиной. Это представляется мне совершенно уместным. Достаточно подумать о судебных решениях по опеке при разводах супругов — всегда в пользу матери, даже если она известная шлюха, и о том предрассудке, что женщина всегда и при любых обстоятельствах является более слабой стороной в супружеской паре.

6. Моя концепция расходится с позицией Эволы не столько в признании двух полов взаимодополняющими (здесь я полностью согласен с великим исследователем традиционного мира), сколько в ином понимании этой взаимодополняемости. Мужчина — это дух, форма, единое; женщина — материя, земля, двойственное. Мне же представляется, что женское начало следует открыть не только в женщине, но и в мужчине — не в отрицательном смысле, как покушение на мужественность мужчины, но в смысле полноты. И точно так же мужское или мужественное следует открыть и в женщине — и здесь уже в отрицательном смысле. Начало этой концепции, которая, безусловно, встретит много противников и скептиков, может дать мысль Юнга, который называет *анимусом* мужской мир и *образ* мужчины, живущий в женщине, а *анимой* — женский мир и *образ* женщины, живущий

в мужчине. Я наблюдал, как в самых глубоких любовных отношениях иногда во сне происходит обмен полами: мужчина видит во сне, что во время совокупления он становится женщиной, а женщине снится, что она становится мужчиной, и наоборот. Это доказывает, что термины «женское» и «мужское», помимо анатомического или чисто биологического значения, имеют глубокий духовный смысл, как это хорошо показал Эвола. Однако эта диалектика, на мой взгляд, сложнее, чем предполагает Эвола, и в известном смысле я перевернул бы ту ценность, которую Эвола приписывает мужчине — как воину, организатору, философу или правителю, — и женщине — как горизонтальной распространительнице вида, как убежищу и гавани, как сексуально ведомой (хотя это следует понимать в духовном смысле возвышения, а не подчинения и неполноценности). Но, безусловно, Эвола совершенно прав в отношении необходимости формирования и руководства. И исторически, и традиционно это формирование и руководство осуществлялись мужчиной. Ныне нетрудно увидеть, что больше не существует ни «мужчин», ни «женщин». Мужчин не существует, потому что не существует мужественности, храбрости, верности, открытости, последовательности, верности соглашениям, духа, презирающего опасности и способного смело встречать жизнь и смерть. Женщин не существует, потому что не существует той готовности помогать, которую несколько двусмысленно можно назвать также покорностью или скромностью, или благородным духом подчинения, или способностью к принятию и глубинной готовности, которая не только делает женщину женщиной, а мужчину мужчиной, но и позволяет и ему, и ей быть в большей степени самими собой и, следовательно, более притягательными для другого пола.

Работа Эволы несет мощный образовательный, мистический и эротический импульс. Однако, как я уже

сказал, я сомневаюсь, что этот мощный импульс — самый мощный, который я знаю и могу вообразить, — может сегодня произвести какой-либо эффект. Но антропологи и психологи должны отметить одно исключительное достоинство и особенность работы Эвола: она представляет собой настоящий слепок, своего рода контур или барельеф, или фигуру в контражуре, нацеленную на глубокое понимание — в духовном и оккультном смысле, в смысле тонком и метафизическом, — мира сегодняшней сексуальности как в его мучительной деградации, так и в его специфических чертах, извращениях и мерзостях.

Пусть будет ясно: когда я говорю о мерзостях, в этом нет никакого моралистического акцента; это лишь констатация факта. Мерзко то, что деградирует, что разлагается, что гниет; и лишенная мотивации половая жизнь нынешней пары деградировала, пала, прогнила. Но то либидо, которое Эвола видел, возможно, в несколько кристаллизованном и застывшем виде в возвышенной и благородной структуре традиции, выплеснулось в разных направлениях, помимо очевидной агрессивности.

Сама агрессивность трансформировалась и стала чем-то беспричинным и прогнившим, как демонстрируют нам межличностные ссоры, конфликты, партизанские войны, убийства, преступные сообщества. Власть, финансы, политика, преступность, распространение и употребление наркотических веществ — все это сплелось в крайне запутанный, но в высшей степени логичный клубок. Это превращение золота в экскременты: но эти экскременты имеют свойства того, что прежде было золотом. Боюсь показаться банальным, но я должен повторить то, что кричали, так же безуспешно, те, кого с презрением называли «пророками секса» — и Эвола разделял это презрение. Самым известным и великим их представителем был Вильгельм Райх. Итак, я должен повторить, что в основе всего этого упадка, несомненно, лежит сексуальное

подавление. Как говорит Эвола, это сексуальное подавление является, так сказать, безумным, — и это верно, — потому что наивысшее выражение сексуальности предполагает не подавление, а дисциплину, порядок, иерархию, недвусмысленное и однозначное признание роли и задачи каждого. Но свидетельства доарийской Индии не оставляют сомнений и не допускают двусмысленности: та цивилизация не была традиционной в эволианском смысле — таковыми были, безусловно, арийские завоеватели. Сарийской и традиционной, так сказать, классической точки зрения, это была цивилизация оргиастическая. Смешение секса с экстазом происходило там не через возвышение женщины к дисциплине, порядку, форме мужчины. Напротив, создается впечатление, что именно женщина в своем матриархате «тянула вниз» мужское могущество и растворяла его в своего рода сладострастном желе.

Здесь мое мнение радикально расходится с мнением Юлиуса Эволы. Упрощая (с некоторыми натяжками), можно сказать, что для Эволы ценностью является мужественность, а для меня — женственность. Конечно, в такой формулировке это неверно — и в том, что Эвола придерживается такого мнения, и в том, что у меня такое понимание. Но я выражаю основную линию — в том смысле, что, по моему мнению, остается верным, — что мужчина придает форму, но эта «материя», которой он придает форму, уже имеет свою «*natura signata*»⁷, и эта природа является сутью вселенной.

Удивительно, что в эротической, а также сексологической литературе редко можно найти подробно разработанную тему женского обольщения. В «Универсальной энциклопедии» Эйнаути, например, в статье «Женщина», написанной такой ревностной феминисткой, как Базалья, о женском обольщении говорится очень мало, почти ни-

⁷ Означенная природа (лат.). Природа, рассматриваемая как знак, символ, отпечаток чего-то высшего. — *Прим. пер.*

чего. Я не знаю Базалью, но подозреваю, что она, как и подавляющее большинство феминисток, не наделена большой эротико-эстетической привлекательностью. Это, впрочем, тоже часто забывается. Никто не говорит о красоте или уродстве женщин (разумеется, женщины совершенно правомерно могут говорить о красоте или уродстве мужчин). Никто не говорит о пропасти, разделяющей мужское и женское либидо, мужскую и женскую чувственность. В этой оргии унисекса теряются все различия и все то, что — как Эвола справедливо отмечал и предрекал (и дела пошли даже хуже, чем он предвидел), — делает один пол привлекательным, значимым, узнаваемым для другого. Слово *sexus* означает «разделенный», и, следовательно, подразумевает разделение и воссоединение, как в древнем мифе об андрогине. Но магнетический момент по существу обеспечивается женщиной.

Разумеется, нельзя отрицать, что женщина может быть привлечена мужчиной, разумеется, нельзя отрицать страсть женщины — и когда эта страсть вспыхивает и живет, она иногда более глубока и всепроникающа, чем та, что возникает и живет в мужчине. Но женщина, чтобы достичь уровней великой всепроникающей страсти, в каком-то смысле должна быть посвящена, должна быть «использована» (представляю себе гневную феминистскую реакцию на то недопонимание, которые вызывает это слово), должна быть «натренирована», должна действительно «открыться». Открытая женщина — это женщина, которая не просто «претерпела» дефлорацию, но которая открыта также и в своем ментальном влагище. Легко найти дефлорированных женщин (более того, очень трудно найти девственниц), легко найти женщин, дефлорированных анатомически. Труднее найти женщин, дефлорированных сексуально, очень трудно найти женщин, дефлорированных оргастически, и почти невозможно найти женщин, дефлорированных ментально.

7. Мы говорили, что бóльшая научность работы Эволы проявляется в том случае, если и когда мы обращаемся, с помощью инструментов глубинной психологии, к анализу извращений. Наиболее известные извращения — это фетишизм, садизм, мазохизм, вуайеризм (скоптофилия), эксгибиционизм. Некоторые считают извращением также гомосексуальность, но большинство авторов, определяя ее как «инверсию», не считают ее даже в строгом смысле патологической. Мы можем начать именно с этого, то есть с гомосексуальности. Мы говорим здесь не о гомосексуальности, которая может иметь эндокринно-морфологические основания, то есть о той, что более точно называется интерсексуальностью. Мы говорим о психической гомосексуальности, когда индивид может иметь даже очень мужественный вид, но чувствовать себя женщиной, или женщина может иметь очень женственный вид, но вести себя как мужчина и желать контактов с человеком своего пола.

Спор идет между теми, кто полагает, что гомосексуальность, в сущности, является патологией, проистекающей, как обычно, из проблем детства, из родительских фигур — либо слишком мягких, либо слишком строгих и в любом случае негармоничных (например, мужеподобные матери или женоподобные отцы), — и теми, кто полагает, что гомосексуальность — это один из многих способов выражения половой жизни, не только правомерный, но и совершенно нормальный наравне с гетеросексуальностью. Должен сказать, что я долго старался — больше по причинам бессознательного идеологического конформизма, чем по глубокому убеждению (разумеется, я говорю *post factum*), — считать гомосексуальность нормальным сексуальным поведением наравне с гетеросексуальностью. Очевидно, что во всем, что я собираюсь сказать — как о гомосексуальности, так и об извращениях, — всякое моральное суждение исключено.

Тем не менее, опыт продемонстрировал мне, что у психического — чисто психического — гомосексуалиста имеются очень серьезные проблемы в отношениях с родительскими фигурами. Иными словами, часто мужчина-гомосексуалист испытывает ужас перед вагиной, воспринимаемой как бездонная пропасть или зубастая ловушка; это материнская вагина, прототип всех вагин и всех самок в мире. Гомосексуальная женщина испытывает ужас перед фаллическим проникновением, воспринимаемым как садистское, разрывающее, медленное, невыносимое.

Конечно, не все мужчины, опасаящиеся вагины, и женщины, опасаящиеся фаллоса, становятся гомосексуальными. Они могут стать просто импотентами и фригидными, могут стать целомудренными и, возможно, посвятить себя «религиозному призванию»: словом, этот первый негативный опыт может получить различное развитие. Однако если мы не можем исследовать детей по отцу, то по детям мы можем исследовать отцов и матерей. Подняться от психологии гомосексуалиста к ее психопатологическому источнику не представляет абсолютно никакого труда. Но в данном контексте нам важно отметить, что гомосексуальность — дитя подавления как в райхианском, так и в эволианском смысле. О подавлении в райхианском смысле говорить проще и легче, хотя сегодня о Райхе уже не говорят. Она означает, что сексуальность была подавлена не только во фрейдистском смысле, то есть непосредственно, очевидно для невооруженного глаза, пусть даже будучи погруженной в бессознательное, но и в райхианском смысле — то есть был подавлен приток эротических тел, приток космической оргонной энергии в гениталии и организм. Подавление в эволианском смысле означает, что модусы и архетипы олимпийской мужественности и деметрической и эфирной женственности были смешаны, искажены, высвобождены, осквернены и практически уничтожены.

Обе эти операции производились на всем протяжении истории, и поэтому результат с эротико-сексуальной и эротико-мистической точки зрения состоит из жалких обломков — существ, лишенных всякой способности наслаждаться и творить.

Но рассмотрим различные ситуации извращений подробно. Мы уже сказали, что гомосексуальность — это свидетельство неспособности принять другого в сексуальном и ментальном смысле: другой пугает, и поэтому мы укрываемся в собственном образе, то есть ампутлируем часть себя, лишая себя невероятного опыта тотальной инаковости. Что такое садизм, если не извращение именно той агрессивности, которая естественно связана с сексуальным актом, особенно со стороны мужчины? Как учит клиническая практика, недостаток агрессивности может привести даже к формам импотенции или преждевременной эякуляции. Что такое мазохизм, если не вырождение того своего рода «естественного мазохизма» женщины, то есть способности наслаждаться, страдая, и страдать, наслаждаясь, — реальности, которую женщина испытывает, например, в родовых муках и при самих родах (впрочем, ныне кесарево сечение стало почти нормой)? Но способность женщины страдать, наслаждаясь, или наслаждаться, страдая, трансформировалась, исказившись и выродившись: она превратилась либо в саморазрушительный или самоповреждающий мазохизм — как при тяжелых депрессиях, повторяющихся инцидентах, при всех формах неврозов, связанных с саморазрушением и некрофилией, — либо в необходимость заставлять страдать партнера, чтобы самому страдать от его страдания: чтобы можно было страдать и, разумеется, наслаждаться.

У фетишиста могущество совокупления и его бесконечные модусы сводятся к некоему образу, к объекту, концентрируются в одной точке, становятся забавной

подделкой. Словно в чудовищной магии, в ледящем душу колдовстве, вся совокупность половой жизни сводится к маленькому предмету, к чулку, к туфле на шпильке, к трусикам, к поясу для чулок — и этот предмет становится заместителем объекта любви, женщины, вагины, всей тотальности совокупления. В эксгибиционизме чудовищно раздувается тот факт, что женщина и мужчина желают привлечь внимание — привлечь внимание потенциального партнера, привлечь внимание, как это делает весь животный мир, который в период любви глубоко преобразается в своих цветах, запахах, поведении. Но эксгибиционист упивается этой демонстрацией, этим почти что устрашением, этим ошеломлением: женщина — демонстрируя провоцирующие и сексуальные части своего тела, особенно ягодицы, бедра и груди; мужчина — демонстрируя фаллос и рискуя попасть за решетку.

Наконец, в вуайеризме (скоптофилии) мы видим наиболее значительную подделку мира эзотерической традиции и мистического порядка: созерцание. Созерцание женщины в ее абсолютной наготе, телесной и духовной, является одним из важнейших переходов любой инициатической, мистериальной, эротической церемонии. Во время мистерий женщина всегда должна быть — и всегда бывает — обнажена. Впрочем, достаточно подумать о том, что лифчикам и женским трусикам всего лишь несколько веков. И не случайно в начале молодежного бунта, студенческих движений, в американских кампусах сооружали костры из трусиков и лифчиков. В психической, духовной и даже материальной жизни все значимо, и даже такой сюжет, который может показаться банальным и студенчески-шутовским, имел глубокий смысл. И поэтому с ним яростно сражались.

Я хочу вспомнить один эпизод, свидетелем которого я стал в мои первые годы преподавания в университете, когда как раз разворачивался молодежный протест

1969–70 годов. Группа молодых людей захватила Дом студента в Риме, требуя более благоприятных условий питания, проживания и т. д. На Доме повесили огромный картон с изображением нагой женщины в полном великолепии ее красоты. Когда делегация студентов попросила приема у ректора Д'Авака, тот сказал, что не согласится даже разговаривать с ними, если сперва эту «голую бабу» не уберут с крыши Дома студента — что и было незамедлительно сделано. Сексуальное подавление важнее всего и может даже служить элементом, способствующим ведению переговоров.

8. Одной из самых тяжких трагедий человечества является тот факт, что все ценности были заменены на противоположные. Здесь Ницше, который в известном смысле также является предтечей Эвола, поистине сформулировал, без двусмысленности и неясности, реальность тысячелетий так называемой цивилизации, реальность этого переворота всех ценностей. Правда, Ницше нашел решение — пусть даже не нацистского, а утопически-сверхчеловеческого типа, — которое ничего не могло разрешить и лишь вдохновляло талантливую поэзию. Но этот анализ переворота всех ценностей — беспощадный, жестокий, но обладающий леденящим душу реализмом, который Ницше предпринимает прежде всего в «Генеалогии морали»⁸, — не имел продолжения. Косвенно его подхватил именно Эвола, который, однако, противопоставляет недостижимого Человека Традиции биологической, психической, а ныне и экологической катастрофе. Безусловно, невозможно ничего понять в мире, в котором мы живем, не затронув Эволу и, в частности, его «Метафизику пола». «Метафизика пола» Эвола вписана в последовательный контекст ценностей и логик — контекст, который находит соответствующую полную историче-

⁸ Точное название книги — «К генеалогии морали» (нем. *Zur Genealogie der Moral*). — *Прим. пер.*

скую и метафизическую картину, например, в «Восстании против современного мира».

Вырывать концепции из единого и последовательного контекста, который их содержит, всегда является субъективной вещью — и в случае Эволы это будет более чем субъективно. И тем не менее, я должен произвести такую операцию, потому что ценность некоторых отсылок, некоторых обобщений, некоторых сопоставлений, некоторых ассоциаций у Эволы такова, что они превосходят большую часть его мысли, — например, ту, что делает его столь яростным врагом Райха, Кроче, Спирито, Просвещения — это лишь несколько примеров. Человек Традиции ныне недостижим, и появление группы правителей, вождей планеты в старых династиях — не более чем убогая и поэтическая идея. Следует ли тогда отказаться от всякой борьбы, от всякой трансформации эроса и мистики, от любого обличения той роли, которую сыграл, например, католицизм, пытаясь облагородить такую крайность, как целомудрие, и при этом унижить, оскорбить ложной сексуальной философией жизнь в ее естественном и полнокровном выражении? Следует ли тогда принять это вездесущее подавление, в котором сходятся все партии, все идеологии, все религии, не восставая против него только потому, что богатые и могущественные ощущают ее меньше, ибо они свободны от многих уз, которые должны терпеть бедные и обычные люди? Должны ли мы тогда считать, что наша культура безнадежно обречена оставаться рационализацией подавления, которое становится все сильнее? Должны ли мы взирать на крах таких идеологий, как нацизм, — который, разумеется, заслужил свой крах, но который также содержал в себе ростки свободы, невыраженную и неудовлетворенную потребность в справедливости, вопросы и желание освобождения от всех видов опиума и морфия, — не сумев уловить то, что ускользнуло как от марксизма, так и

от фашизма, нацизма, демократии и даже от либеральной демократии, которая является просто формальной системой внешней организации интересов, потребностей, идеологий и властей? По-моему, нет.

По-моему, в каждом рождающемся ребенке возрождается Райх и Эвола, то есть возрождается возможность — тут же, разумеется, подавляемая, — жизни, что вверяет инстинкту, связанному с духом (который и есть сам дух), развитие, открытие, рост и расширение самой жизни. Заметьте: каждая ступень, ведущая к космическому совокуплению, к абсолютному совокуплению, к непрерывному совокуплению, подрублена. Это знали «Верные Любви», поэты «сладостного нового стиля», это знал Данте Алигьери, это знал Оскар Уайльд — что нельзя подрубить, прерывать развитие, уже установленное в бессознательном, которое от сближения ведет к совокуплению. В конце концов, любовь с первого взгляда — Грета Гарбо встречает взгляд красивого офицера, и с этого момента рождается непреодолимая любовь, обаяние Марлен Дитрих — женщины, как потом стало известно, отнюдь не женственной (как мне, впрочем, и казалось в «Голубом ангеле», где она обрушивает бурю на бедного очарованного и буквально уничтоженного профессора), — все это знают все, кто заново переживает ощущения, описанные Платоном в «Федре». Бесполезно в очередной раз напоминать, что все случаи великой любви в западной истории — Паоло и Франческа, Отелло и Дездемона, Ромео и Джульетта, Абеляр и Элоиза — кончаются плохо, потому что Запад проклял любовь в ее полном проявлении. Все фальшиво, все мистифицировано. Самое успешное ухаживание — самое грубое, даже если его критикуют; ухаживания, в сущности, больше не существует. Прикосновение одной руки к другой может вызвать оргазм, тогда как непрерывная накачка сексуального атлета может вы-

звать лишь тошноту. Но это душа, лишенная эротизма, это душа, в которой секс и чувство были разделены.

Я уже годы писал об этом, когда прочел работу Ролло Мэя «Любовь и воля», в которой утверждается, что подлинным подавлением на Западе является не подавление секса, а подавление единства между сексом и чувством, — а я добавлю: между сексом, чувством и священной любовью. Сегодняшняя оргия секса, фильмы для взрослых, порнография, наводнившая все вокруг, секс-шопы и так далее — это еще одно доказательство подавления, потому что пока секс вульгаризирован, физиологизирован, обесчещен, сделан эпатажным и почти что иронически-саркастическим, он не является духом, приключением, новизной, творением, даром, открытием, трепетом и страхом.

Юлиус Эвола — глубоко одинокий автор, потому что он коснулся вершин истины: он ухватил щипцами диалектического исследования и истины болевые узлы дряхлеющего человечества. Юлиуса Эволу следовало бы читать в школах, объяснять, преподавать, возможно, оспаривать и критиковать, потому что истина достигается упражнением в диалектике.

9. Заканчивая это предисловие, за возможность написать которое я благодарен издателю и другу Джанфранко де Туррису, я ощущаю, что моя душа сжата поистине адскими тисками — в буквальном смысле. Это ощущение клетки, о котором так часто говорит Райх, из которой невозможно выйти и в которой каждое движение заключенных лишь увеличивает силу прутьев. Если бы вы задумались на минуту, следуя за чудесной работой Юлиуса Эволы, вы бы заметили глубокие истины, проистекающие из этого страстного, богатого, высоконачного труда: тогда вы увидели бы бесконечные человеческие страдания не оком христианской жалости — жалость, говорил Спиноза, не является добродетелью, — не оком снисхождения, или

нежности, или горечи, или смирения, или изумления, или бессилия, но оком ясности того, что мы утратили, почему мы это утратили и во что мы это превратили.

Логика власти и логика рынка безжалостны, но нейтральны: в теории их можно было бы поставить и на защиту любви, или по крайней мере на защиту структур, которые могли бы позволить восстановление любви. Но это невозможно, потому что на самом деле власть создана, чтобы противостоять возможности любить. Не случайно немногие первобытные сообщества, сексуально свободные — тробрианцы в океане, мурия на плоскогорьях Тибета, виароа в амазонском лесу, — хотя еще существуют, находятся в стороне от великих путей этнической экспансии. Мирные и эротичные этруски были сметены суровыми римлянами, и, безусловно, Спарта возобладала над Афинами: но это лишь малые примеры. На самом деле вся планета захвачена собственническим, стремящимся к приобретению, этноцентрическим, патрицентрическим, воинственным, разрушительным и поощряющим агрессию неистовством, которое лишь усиливается из-за самого факта подавления и порочного круга извращения; и под ударами не-жизни мир уже трещит даже в физическом, экологическом смысле.

Сегодня все превозносят жизнь, но продолжают превозносить и то, что ее разрушает — а именно шизофреническое расщепление между сексом и чувством, между священной любовью и профанной любовью, между мощью космического оргазма и мощью божественного экстаза.

Матриархату, в котором мы живем, свойственен такой парадокс: управляющие нами женщины являются по своей сути не женщинами, а неуклюжими мужчинами-уродами, поистине неудавшимися мужчинами, определение которых не совсем точно приписывается Фрейду.

ФАУСТО АНТОНИНИ